

Антошка

Мои такие срывы внезапными, пугавшими меня накатами повторялись. Я отдалялся от сверстников. Играть стал нередко один или с собаками, у нас их было две – Байкал и Антошка.

Байкал был важным и самолюбивым до чванливости, скорее всего от осознания, что он папкин любимчик. Его толстый, похожий на кусок пожарного шланга хвост всегда стоял торчком, рыже-грязно-коричневая шерсть была жёсткая и создавала впечатление, когда к ней прикасались, шероховатой, неоструганной доски. Он надменно пренебрегал Антошкой и становился ревнив и зол, если тот пытался завоевать любовь хозяина: оскаливался, рычал и хватал зубами безответного милого нашего Антошку за шею или бока. Искусанного и скулящего, я брал его на руки и ласкал. Он лизал шершавым, розоватым языком мои руки и лицо и благодарно, преданно смотрел в глаза. Я вместе с братом и сёстрами забинтовывал его. Освободившись из наших рук, бинты и тряпки Антошка срывал и принимался зализывать раны.

Как-то я увидел по телевизору дрессированных собак. Они были забавно одеты, парами танцевали под балалайку и – пели. То есть тявкали. Было смешно и потешно. «А чем наши плохи для таких штукенций? – размышлял я ночью в кровати. – У мамы послезавтра день рождения, и если... – Но я не досказал мысли и обомлел: – Во будет здорово!»

Я уже не мог лежать спокойно: дети, известно, самый нетерпеливый на свете народ. В потёмках прополз к кровати Лены и Насти. Они ещё не спали и шептались.